

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ

МІРСКІЯ ДУМЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1916

ЕСЕНИНА

П. ПРОПАНОВА

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ

МІРСКІЯ ДУМЫ

ПЕТРОГРАДЪ

Изданіе М. В. Аверьянова.

1916

СОЛМЕ 126
кп 0977

МІРСКІЯ ДУМЫ.

Памяти грабрыа.

Въ этотъ годъ за святыми обѣдами
Строже лики и свѣчи чадивѣй,
И выходятъ на паперть послѣдними
Дѣтвора да гурьба матерей.

На завалинахъ рать сарафанная,
Что ни баба, то горе-вдова;
Вечерами же мглица багряная
Поминальныя шепчетъ слова.

Посидѣлки, какъ транежа братская,—
Платъ по брови, послушнѣй кудель,
Только изрѣдка мать солдатская
Поведеть причитаній свирѣль:

„Полетай, моя дума болѣзная,
Дятломъ-птицею въ сырѣ-темень боръ“...
На загуменѣ-жъ поступь желѣзная—
Полуночный Егорьевъ дозоръ.

Ненарокомъ заглянешь въ оконницу—
Видишь въявь, какъ отъ сѣверныхъ водъ
Коньеносную звѣздную конницу
Страстотерпецъ на западъ ведетъ.

Какъ влачить по ночнымъ перелѣсцамъ
Сполохъ-конь аксамитный чапракъ,
И налюбникомъ яснымъ, какъ мѣсяцемъ,
Брезжить въ ельникъ, пугаючи мракъ.

Что ты, нивушка, чернешенька,
Какъ въ нужду кошель порожененька,
Не возрастила ты ржи-гуменницы,
А спелегала—къ солиду выгнала
Небдякъ-траву, съ горькой пестушкой?

Оттого я, свѣтъ, чернотой пошла,
По омежикамъ замуравѣла,
Что по ведру я не косулена,
Послѣ бѣлыхъ росъ не боронена,
Рожью низовой не засѣяна...

А и что ты, изба, пошатилася,
Съ парежа-угара, аль съ выпивки,
Али съ позднихъ просонокъ разхамкавшись,
Вилоть до ужина чешешь пазуху,
Не запрешь воротъ—рта беззубаго,
Крена въ сторону шоломъ—голову?

Оттого я, сибѣть, шатуномъ глянжу,
Не смыкаю рта деревяннаго,
Что отъ бѣды дня до полуночи
„Воротись“ воюю доможирщику,
Своему-ль избитому хозяину.
Вошлѣ, надорвала я печени:
Глинобитную печь съ теплымъ дымникомъ,
Видно утушкѣ горькой—хозяюшкѣ
Вѣковать придется безъ селезня...

Ты, дорога-путинушка дальняя,
Ярый кремень да супесь горячая,
Отчего ты, дороженька, куришься,
Обымаешься копотью каменной?
Али дождикомъ ты не умывана,
Не отерта туманомъ-шириною,
Али лапоть съ клюкой-непосѣдою
Больно колютъ стоверстную спинушку?

Оттого, человѣче, я куреномъ
Замутилась, какъ плесо отъ невода,
Что по мнѣ проходили солдатушки
Съ громобойными лютыми пушками.
Идучи, они пѣли: „лебедушку
Заклевать солеталися вороны“,
Другъ со другомъ крестами мѣнялися,
Полагали зарокъ великіе:

„Постоимъ-де мы, братцы, за родину,
За мірскую Микулову пахоту,
За бѣлицу-весну съ зорькой-свѣченькой
Надъ мощами полѣсій затепленной!..“
Стороною же, рыси лукавѣ,
Хоронясь за бугры да валежины,
Кралась смерть, отмѣчая на хартіи,
Какъ прыга, досрочныхъ покойниковъ.

Ахъ, ты, ель-кружевница трущобная,
Не чета ты кликушѣ осинушкѣ,
Что отъ хвойнаго звона да ладона
Бьетъ въ ладошки и хнычетъ по-заячьи,
Ты-жъ слезаешь зеленое кружево
Отъ коклюшекъ рѣсницъ не здымаючи,
И ни мѣсяцъ-проныра, ни солнышко
Не видали очей твоихъ дѣвичьихъ,
Молви, елушка, съ горя, ахъ съ устали
Ты верижницей строгою выглядишь?
Не топоръ ли тебѣ примерещился,
Печь съ бѣленнымъ, развалистымъ жарникомъ:
Пышетъ пламя, съ таганомъ бодается,
И горнишь ты въ печищѣ, какъ грѣшница?

Оттого, человѣче, я выгляжу
Срубомъ-церковкой въ пушѣ забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сынѣ молилася:

Она кликала грозныхъ архангеловъ,
Дѣву-Патенку съ Тенлымъ Николою,
Припадала, какъ къ зыбкѣ, къ валежинѣ,
Называла валежину Ванюшкой;
Послѣ мохъ, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернѣлые...
Я покрыла ее снитрахилью,
Какъ умѣла родную утѣшила...
Слезы жъ матери—жито алмазное,
На пролетѣ склевала кукушница,
А склевавши она спохватилась,
Что не птичье то жито, а Божіе...
Я считаю ку-ку покаяныя
И въ коклюшкахъ, какъ въ требникѣ, путаюсь.

НЕБЕСНЫЙ ВРАТАРЬ.

Какъ у кустышка у ракитова,
У колодечка у студеного,
Не довской казакъ скакуна повязь,—
Молодой гусаръ свою кровь точилъ,
Вынималъ съ сумы полотенышко,
Перевязывалъ раны черныя...
Ужъ какъ девять ранъ унимался,
А десятая, словно варъ кипить...

Съ бѣлымъ свѣтомъ гусаръ сталъ прощаться,
Горячими слезми уливается:
„Ты прощай-ка, родимая сторонущка,
Что-ль бажоная теплая семейшка!
Ужъ вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свѣчи мѣстныя,—
Ставьте свѣченьку въ ноги рѣзвыя,
А другую мнѣ къ изголовьцу!
Ты, смеретушка—стара тетушка,
Тише бѣла льна выпрядь душеньку.“

Откуль-неоткуль добрый конь бѣжитъ,
На конѣ-сѣдлѣ удалецъ сидитъ,
На немъ жаръ-булатъ, шипка-золото,
Съ устъ текутъ меду—рѣчи братскія:
„Ты признай меня, молодой солдатъ,
Я дозоръ несу у небесныхъ вратъ,
Меня ангелы славятъ Митріемъ,
Прендобный ликъ—Свѣтъ-Солунскимъ.
Объѣзжаю я Матерь-Руссію,
Какъ цвѣты вяжу души воиновъ...
Ужъ ты стань, солдатъ, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель къ солнцу красному.
А оттуль тебѣ мостовичина
Ко маврійскому дубу-дереву,—
Тамъ столы стоятъ неубдныя,
Толокно въ меду, блинникъ масленый;
Стежки торныя поразметены,
Суква красныя поразостланы“.

* * *

Луговая потемки, омежки, стога,
На пригоркѣ ракита—сохачьи рога,
Захлебнулась тальянка горячею мглой,
Голосить, какъ въ поминокъ, семья по родной:
„Та-ля-ля, та-ля-ля, ти-ли-ли.
Сѣнокосныя зори прошли,
Августъ-дѣлъ, бородача снопомъ,
Подарилъ гармониста ружьемъ.
Эхъ-ма, старый, не грызла-бъ печаль,
Да родимой сторонушки жаль.
Чуетъ мѣдное сердце мое,
Что погубить парнягу ружье,
Что отъ пули ему умереть,
Мифъ-жъ поминныя припалочки пѣть!..“
Луговая потемки, какъ платъ;
Будеть съ парня пригожій солдатъ,
Только стоить-бородачь да поля
Не слышать ночного „та-ля“...

Мѣднымъ плачемъ будя тишину,
Насулила тальянка войну.

СОЛДАТКА.

Скучно молодешенькѣ у свекра жить въ дому,
Мнѣ нить въ досадушку, Ъда не по уму,
Русы мои косыньки повисѣлися,
Бѣлыя руки примозолилися,
Животы-приданое трунь взяла!

Погляжу я, бѣдушка, въ стекольчатое окно,—
Не увижу-ль милаго за рядой во торгу.
Ахъ, не торгъ на улицѣ, не красная гульба,
А лежитъ дороженька Коломенская!..

Какъ по этой-ли дорогѣ воевать милой ушелъ,
Издавеча слалъ поклоны, куньей шапкою махалъ,
На поминъ зеленой ивѣ часто вѣтье заломалъ:
„Могъ, пожди меня, сударка, покулъ ива зелена,
А какъ ива облетитъ, втымежъ я буду убить,
Меня вѣтеръ отнюетъ, полуночь глаза сомкнетъ,
А поплачутъ надо мной воронье съ ковыль-травой!“

МИРСКАЯ ДУМА.

Не гуси въ отлетъ собирались,
Не лебеди на озерѣхъ скликались,—
Подымались мужики—Пудожане,
Съ заонежской кряжистой Карелой,
Съ каргопольскою дикой Лѣшнею,
Со всею полѣсной хвойною силой,
Постоять за крещеную землю,
За зеленую мать-пустыню,
За березыньку съ вѣщей кукушкой...

Изъ-подъ ели два-десять вершинной,
Отъ сеговя Муромскаго плеса,
Подымался Лазарь преподобный
Ратоборцамъ дать благословенье,
Провѣщать поганыхъ одолѣнье...
Вопрошали Лазаря Лѣшане,
Каргополы, Чудь и Пудожане:

„Источи намъ, Лазаре всечудный,
На мірскую думу сказъ медвяный:
Что помѣха злomu кроволитью
Умъ-хитредъ, аль пѣсня-межеумка,
Бѣлый воскъ, аль черное желѣзо?“
Рекъ святой: „пятьсотъ годинъ въ колодѣ
Почивалъ я, объ умѣ не тѣсяся,
Смерть моихъ костей не обглодала,
Изъ тѣлеси не выплавилъ сала,
Чтобъ отлить свѣчу, чей брезгъ бездонный
У умершихъ теплится во взорѣ,
По nocturno кладбищу блуждаетъ,
Черепъ на плитахъ выжигая;
А желѣзо проклято отъ вѣка:
Имъ любовь пригвождена ко древу,
Сожалѣнью ребра перебиты,
Простотѣ-же въ міръ врата закрыты.
Бѣлый воскъ и пѣсня-недоумка
Истекли отъ вербы непорочною:
Точить верба восковыя слезы,
И ведетъ зеленый тайный причитъ
Про мужицкій рай, про пиръ вселенскій,
Про душевный градъ, гдѣ „Свѣте тихій“.
И тропарь зеленый кто учуетъ,
Тотъ на тварь обуха не подниметь,
Не подрубитъ яблони цвѣтущей,
И вѣломъ бездушнымъ водъ не ранитъ“...

Поклонились Лазарю Лѣшане,
Каргополы, Лопь и Пудожане:
„Сказъ блаженный, какъ баю надъ зыбкой,
Что пѣвала бибка Купариха
У Дедери Храбраго на свадьбѣ“.
Быль Дедери лють на кроволитье;
Послѣ-жъ пѣсни сталъ, какъ лѣсъ осенній,
Сердцемъ въ воскъ, очами въ хвой потемки,
А кудрями въ прожелье листопада.

Кабы я не Акулиною была,
Не Пахомовою по батюшкѣ слыла,
Не носила-бъ пятишовки съ галуномъ,
Становицы съ оподольникомъ,
Еще чалыхъ косъ подъ сборникомъ,—
Промѣняла-бы я жарникъ съ помеломъ
На гибдого съ плящимъ огненнымъ ружьемъ,
Ускакала-бы со свекрова двора
Въ чужедальщину, гдѣ вражьи хутора,
Гдѣ стануетъ бусурманская орда,
Словно выдра у лебяжьего гибзда;
Разразила-бы я огненнымъ ружьемъ,
Супротивника съ нахвальщикомъ-царемъ.
„Не хвались-де, снаряжаючись на рать,
На крещеную мірскую благодать,
Лучше выдай-ка за черныя вины
Изъ ордынской государевой казны
На мужицкій полкъ алтыновъ по лубку,
А на бабій чинъ камлоту по куску,
Старикамъ по казинетовымъ портамъ,
Бабкамъ-кляшницамъ по краснымъ рукавамъ;

Еще дитяtku Алешенькѣ
Зыбку съ пологомъ алешенькимъ,
Чтобы пологъ былъ исподомъ канифасъ,
На овершѣ златоризый чудный Спасъ,
По закромамъ были-бъ рубчатъ мохры,
Чтобы чада не будили комары,
Не гусѣло-бъ его платьице
Въ новой горениѣ на матицѣ!*

ПОМИННЫЙ ПРИЧИТЬ.

Покойныя солдатскія душеньки
Подымаются съ поля убойнаго
До подкустья онѣ—малой мошкою,
По надкустью же—мглою столбовитою,
Въ Божьихъ воздухахъ синью мерещатся,
Подаютъ голоса лебединые,
Словно съ озеромъ гуси отлетные,
Съ свято-русской сторонкой прощаются.

У заставы великой, предсолнечной
Входятъ души въ обличіе плотское,
Ихъ встрѣчаютъ тамъ горніе воины
Съ грознокрылымъ Михайломъ архангеломъ,
По три-краты лобзаютъ страдателей,
Изгоняютъ изъ душъ боязнь смертнью.
Оносѣ ихъ ведутъ въ храмъ апостольскій—
По своимъ тѣлесамъ окровавленнымъ
Отстоять номинальную службу.

Править службу имъ Аввакумъ пророкъ,
Чтеть писаніе Златоустъ Иванъ,
Херувимскій ликъ плещетъ гласами,
Солнце-колоколъ точитъ благовѣсть.

Какъ улягутся вѣи сладкіе,
Сходитъ Божій Духъ на солдатшекъ,
Словно теплый дождь озимъ ярую,
Насыщая ихъ брашномъ ангельскимъ,
Горечь бранныхъ дней съ нихъ смываючи,
Раны черныя заживляючи...

На послѣдки же громовникъ Илья,
Со Еремою запрягальникомъ,
Снаряжаютъ имъ повѣздъ огненный,—
Звѣздныхъ мериновъ съ колымагами,
Отвезти гостей въ преблаженный рай,
Гдѣ страдателямъ уготованы
Веси красныя, избы новыя,
Кипарисовымъ тесомъ крытыя,
Пожни сѣнныя—виноградъ-трава,
Пашни вольныя, беззлатежныя—
Все солдатшкамъ уготовано,
Храбрымъ душенькамъ облюбовано.

* * *

Гей, отзовитесь, курганы,
Клады, сѣдые кремни,—
Злымъ воронымъ басурманы
Русскій рубежъ облегли!

Чуется волчья повадка,
Рысье мяуканье, вой...
Аль булавы рукоятка
Съ нашей не дружна рукой?

Али пишагъ златолобый
Намъ не по ярую бровь?
Пусть богатырскіе гробы
Кроетъ ковыльная новь,—

Муромцы, Дюки, Потоки
Русь и понынь бледутъ...
Чуръ насъ! Вѣщуны-сороки
Щокоуть недобрый ведуть,

Въ сутемень плачутъ гагары,
Заяцъ валежники грызетъ,—
Будутъ съ накладомъ товары,
Лють на поганыхъ походы.

Громъ отъ булатныхъ ударовъ
Слаще погудной струны...
Радонежь, Выгово, Саровъ,—
Нашихъ именъ баюны.

Гей, отзовитесь дѣды,—
Правнуковъ мечъ не ослабъ!
Витязю послѣ побѣды
Мѣсто въ свѣтелѣхъ у бабъ.

Ждутъ его сусло, что пѣвникъ,
Гребень-шентунъ передъ сномъ,
Въ банѣ-жъ духмянистый вѣникъ,
Шайка съ рѣзнымъ ободкомъ.

Хата чужбины не плоше,
Бъ суслу кто-жъ больно охочъ,—
Съ первой веселой порошей
Зыбку для первенца прочъ.

Яраго кречета раны
Сыну-орлу не въ изъяснъ...
Миръ вамъ, сѣдые курганы,
Тучи, сказитель-бурьянъ!

СЛЕЗНЫЙ ПЛАТЬ.

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочекъ,
При дороженькѣ слезный потеряла.
А и дождикомъ плата не мочить,
Подкопытнымъ пескомъ не заносить...
Шелъ дорогой удалый разбойникъ,
На платокъ, какъ на злато, польстился—
За корысть головой поплатился.
Проѣзжалъ посидѣлецъ гостиный,
Потеряжку почелъ за прибытокъ—
Получилъ перекутный убытокъ...
Пробирался въ пустыню калика,
Съ неугасною свѣченькой въ шуйцѣ,
На устахъ съ тропаремъ переходимъ;
На платокъ онъ умильно воззрился,
Величалъ его честной слезницей:
«Ай-же платъ, много въ устье морское
Льется рѣчекъ, да счетъ ихъ извѣстенъ,
На тебѣ-жъ, словно росъ на покосѣ,
Не исчислить болѣзненныхъ слезинокъ!

Я возьму тебя въ красную келью
Пеленою подъ Гуріевъ образъ,
Буду Гурію-Свѣту молиться
О солдатъ въ побоищѣ смертномъ,—
Чтобы вражья поганая сабля
При замашкѣ закалъ потеряла,
Пушки-вороны пѣсенной думы
Не вспугнули-бы граемъ желѣзнымъ,
Чтобъ полѣсная яблоня-ябснѣя,
Чьи цвѣты плащаницы духмянибѣи,
На Руси, какъ ябха зеленѣла,
И казала-бы къ раю дорогу!»

РУСЬ.

Не косить дѣтинѣ поженъ,
Не метать крутыхъ стоговъ,
Кладенецъ изъ красныхъ ноженъ
Онъ повынулъ на враговъ.

Наговорна рукоятка,
Лезвіе—свѣтлѣй луча,
Будетъ ворогу не сладко
Отъ мужицкаго меча!

У дѣтнимъ кудри—боры,
Грудь—Уральскіе хребты,
Волга рѣченька—оборы,
Море синее—порты.

Онъ возсталъ за сирыхъ братьевъ,
И, возмездіемъ горя,
Палъ на лысину Карпатовъ
Кладенецъ богатыря.

Можно-бъ всячь, поправши злобу,
Да покинешь-ли одну
Русь Червонную—зазнобу
Въ басурманскомъ полону!

Гоже-ль свадебную брагу
Не въ Бѣлградской гридиѣ пить,
Да и какъ же Дружку—Прагу
Рушникомъ не подарить!

Дѣду Кіеву похула
Алый краковскій жупанъ...
Словно хворостъ, пушекъ дула
Попираеть великанъ,

Славься Русь! Краса-дѣвица
Ладъ колечко и фату,—
Ужъ сирдаеть зарянца
Бранной ночи темноту.

Вспыхнетъ день подъ небосклономъ,—
Молодыхъ въ землѣ родной
Всеславянскимъ брачнымъ звономъ
Встрѣтитъ Новгородъ сѣдой!

БЕСЪДНЫЙ НАИГРЫШЪ,

СТИХЪ ДОБРОПИСНЫЙ.

„Его же въ навечернее междучасіе
пѣти подобаетъ, съ малымъ погрѣ-
шомъ погтевымъ и суставнымъ“.

*Изъ Отпуска—тайнаго свѣтка оло-
вскихъ сказителей скрынниковъ.*

По рожденьи Пречистаго Спаса,
Въ житіе премудрѣя Планиды,
А въ усненіе Поддубнаго старца,
Не гора до тверди досягнула,
Хлябь здынула каменною плѣшью,
Въ сторонѣ, гдѣ солынышко ночуетъ
На конѣ, за пологомъ кумачнымъ,
И гдѣ ночь-горбуня зелье варить,
Чернить косы копотью да сажей,
Подъ котломъ валежины сжигая,
Народилось желѣзное царство
Со Вильгельмищемъ, цѣрищемъ поганымъ.—
У него ли, нечестивца, войска—сила,
Порядоваго народа—несусѣтно;
Они вѣрують Лютеру-богу,

На себя креста не возлагають,
Великаго говѣнія не править,
Въ Семикъ-день вѣника не рядятъ,
Не парятся въ парной парущѣ,
Нечистаго духа не смываютъ,
Опосля Удизену не кличуть:
«Матушка ржаная Удизена,
Расчеши солому—золотъ волосъ,
Сдобри бражкой, патокою колосья»...

* * *

Не сарычъ кричить за буеракомъ,
На свѣжѣ дѣтенышей сзывая,
И не рысь прыскачая дѣсная
Въ ночь мяучить, темной кровью сыта,—
То ядыкъ злокозненный глаголетъ,
Царь желѣзный пыхаетъ рѣчами:
«Голова моя—умокъ лукавый,
Поразмысли—ты, пораскумекай,
Миѣ кого-бъ въ желѣзо заковати?
Ожелѣзиль землю я и воды,
Полонилъ огонь и паръ шипучій,
Вѣтеръ, сибѣ колодниками сдѣлалъ,
Нынѣ-жъ я, какъ куропоть въ ловушку,
Свѣтелъ Мѣсяцъ съ Солнышкомъ поймаю:
Будетъ Мѣсяцъ, какъ пѣтухъ на жердкѣ,
На острожномъ тынѣ перья чистить,

Брезжить зобомъ въ каменные норы
И блюсти дозоры неусыпно!
Солиду-жъ я за сѣбь, за непокорство,
Съ ногъ разую красныя бахилы,
Желтый волосъ, усь лихой косатый.
Остригу на войлокъ шерстобитамъ.
Съ шеи Солица бобчатую гривну
Кобелю отдамъ на ожерелокъ,
Повалю я краснаго сѣбсизца
На полати съ бабой шелудивой —
Ровня ль будетъ соколу ворона?"

Небѣдуча солодыга безъ прихлебки,
Два же дѣла безъ третьяго не гожи,
Третье жъ дѣло—гуменная работа.
Выжать рожъ на черниговскихъ пашняхъ,
Волгу-матку разлить по бутылкамъ,
Съ питуховъ барыши загребая,
Съ уха-жъ Стенькина славнаго кургана
Сбить литую кулишную шапку,
А съ Москвы, боярыни вальжной,
Поснимать соболью пятишовку,
Выплестъ съ косъ подбрусникъ златотканый,
Осыпные перстни съ ручекъ сбросить.
На послѣдки-жъ мощи Макавея
Истолочь въ чугунной полуступѣ,
Пропустить труху черезъ рѣшета,

И отсѣвкомъ выбѣлить пещища,
А поновъ, игуменовъ московскихъ
Положить подъ мяло, подъ трепало—
Лоско-ль будетъ черное мочало!...

* * *

Не медушникъ-двѣтникъ вонть дрема
Па-вечерней сыченой россою,
И не крестъ—кладбищенскій насельникъ,
Словно столпникъ, въ тайну заглядѣлся—
Мать-Планида на Руси крещеной
Отъ страды келейной задремала.
Былъ ли сонъ, аль малыя просонки,
Только въявь Планидушкѣ явились
Петръ апостолъ съ Пятенкою-дѣвой.
И рекли святые: «Мать-Планида,
Подъ скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать, на рѣзвы ноги,
Повѣсти-ка Русь о супостатѣ.
Не бери въ гонцы гуляку Вихря,
Ни сестрицъ Сутемокъ чернокосыхъ,
Ни Мороза съ Зоемъ перекатнымъ:
Вихрю плясь, присвистка да присядка,
Балаалайки дробь—всего мнѣ,
Недосугъ Сутекамъ, имъ отъ Бога
Данъ наказъ Зарѣ кокошникъ вышитъ,

Рыбьи глазки съ зеньчугомъ не спутать,
 Корзинимъ стегомъ выпестрить очелье.
 У Мороза же не гладки лыжи,
 Гдѣ пройдетъ, тамъ насты да суметы,
 Въ теплыхъ пимахъ, въ малицѣ оленьей,
 На ходѣ морозушко сопрѣть,
 А сопрѣтъ, по падымъ, по низинамъ
 Расплеснется рѣчкой половодной.
 Звоняра же Зоя братъ негоже,—
 Безъ него трущоба—скитъ безъ била,
 Зой ку-ку загозье, гомонъ съ гремью
 Шаргунцами вѣшаетъ на сучья;
 Ввечеру-жъ монашкомъ сладкогласнымъ
 Часословъ за слями читаетъ...
 Ты прижи-ка, матушка Планида,
 Во персты отмычки золотыя,
 Пробудившись, райскими ключами
 Отомкни синь-камень несѣкомый,
 Вызволя ты изъ каменной неволи
 Паскарагу, ангельскую птицу,
 Супротивъ стожарной Паскараги
 Бирюча на бѣломъ свѣтѣ вѣту!..."
 Отъ словесъ апостольскихъ Планида,
 Какъ косачъ въ мошницѣ, встрепенулась,
 Круто буйну голову здынула,
 Откатила скуфью за Онего.
 Куръ-горой скуфья оборотилась,

Опушь стала ельникомъ кромѣшнымъ,
А завязка рѣчкою Сорогой...

* * *

Ой, люди крещенные,
Толико ученые,
Слушайте-внимайте,
На улиду бабъ не пускайте,
Ребятъ на воронецъ
Дочуять иѣсни конецъ,
На лежанку старухъ,
Чтобы голосъ не тухъ!
Господи благослови,
Царь Давидъ помоги,
Иванъ Богословъ
Дай басенькихъ словъ,
Въ подъязычный суставъ
Красныхъ погребцовъ-славъ,
А съ того, кто скупъ,
Выиѣть денежекъ рубъ!...

* * *

Тысчу лѣтъ живетъ Макоша-Морокъ,
Саѣдъ крадетъ, силки за хвостъ ставитъ,
Уловляетъ души человѣчи,
Тысчу лѣтъ и Лембѣй нушей правитъ
Осенщину-дань собирая съ твари:

Съ зайца шерсть, буланый пухъ съ лѣшуги,
А съ осины пригоршню алтыновъ,
Но ни кто за тысячу зимъ и весень
Не внималъ наѣву Паскараги!
Растворила вѣщая Планида,
Словно складень, камень несѣкомый,
И заѣла ангельская птица,
О невзгодѣ Русь оновѣщая:

Первый зыкъ дурманиѣй кость дѣвичьихъ
У ручья знобляникъ-цвѣтъ учулъ,—
Онъ поблѣкъ, какъ щеки ненаглядной
На протинахъ съ воинномъ-зазнобой —
Вѣщій знакъ, что много дроздъ пригожихъ
На Руси безъ милыхъ отдѣвочать.

Зыкъ другой, какъ трусъ сибгонтъ поморскихъ,
Какъ булатный свистъ несмѣтныхъ сабель,
Когда кровь, какъ жаръ въ кузнечномъ горѣ,
Вспучивъ скулы, Ярость раздуваетъ,
И киркою Смерть—кладонскатель
Изъ сраженныхъ души исторгаетъ.

Третій зыкъ, какъ звонъ воды въ купели,
Когда Духъ на первенца нисходитъ,
Въ двадцать лѣтъ дѣтину сыномъ дарить,
Молодицу-жъ—горлику въ семнадцать.

Водный звонъ учуль старичище
По прозванью Сто Племень въ Единомъ,
Онъ съ полатей зорькою воззрися
И увидѣлъ рати суноштата.—
Прогуторилъ старый: „эту погань,
Словно вошь на гасникѣ, лишь баней,
Лютымъ паромъ сжить со свѣта можно...“
Черпанулъ старикъ воды изъ Камы,
Черпанулъ съ Онеги ледовитой,
И, дополнивъ ковшъ водой изъ Дона,
Три рѣки на каменку опружилъ.
Зашипѣли Угорскія плиты,
Взмыли паръ Уральскіе граниты,
Валуны Валдая, Волжскій щебень
Навострили зубья, словно гребень,
И, какъ ельникъ, какъ надъ моремъ скалы,
Изъ-подъ камней сто племень возстало...

* * *

Сказенецъ—не бабье мотовило,
Послѣсловье-жъ присловьемъ не станетъ,
А на спросъ: „откуль“ да „что въ послѣдки“
Намъ проиграетъ Кува—красный воронъ;
Онъ гибдищемъ съ Грономъ помѣнялся,
Чтобъ снести лѣцо—мужичью долю.

ПѢСНИ ИЗЪ ЗАОНЕЖЬЯ.

Надежда Васильевна
Плевинской.

* * *

Ахъ, вы цвѣтики, цвѣты лазоревы,
Алоцвѣтнѣй вы красной зорюшки,
Скоротечнѣй вы быстрой рѣченьки!
Какъ на васъ, цвѣты, лютъ морозъ падеть,
На муравушку бѣлый утренникъ,—
Сгубить забель цвѣтъ, корень выстудить!

Ахъ, ты, дитятко, свѣтъ-Миколушка,
Какъ дубравный дубъ—ты мать-станникъ,
Поглядѣть кому—сердцу завистно,
Да осилить дубъ душегубъ-топоръ,
Моготу твою—штофъ зеленаго!

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ кудрявою свѣтелочка,
Во свѣтелкѣ красны дѣвушки сидятъ,
На кажинной бриллиантовый нарядъ,
На единой дочкѣ вдовиной—
Посконь съ сѣрою мѣшковиной.

Наѣзжали ко свѣтлицѣ соколя,—
Все гостиные купецки сыновья,
Выбирали себѣ женокъ по уму,
Увозили распригожихъ въ Кострому,
Оставляли по заавочкамъ труху—
Вдовью дочь Миколашкѣ-питуху.

Я сгорѣла молоденька безъ огня,
 Безъ присухи сердце высушила,
 Ужъ какъ мой-то мужъ недобрый до меня,
 Не купилъ мнѣ-ка атласнаго платка,
 А купилъ, злодѣй, коровушку—
 Непорядную работунку!..

Лучше пудъ бы мнѣ масла купилъ,
 Подрукавной муки-бы мѣшокъ,—
 Я бы повязъ съ лпанечкой продала,
 На тѣ деньги-бы стряпейку наняла,
 Стряпел-бы мнѣ постряпывала,
 Я-бъ младшенька похаживала,
 Каблучками приколачивала:

Ахъ, вы, красивые скрипучи каблочки,
 Мнѣ-ка не съ кѣмъ этой ноченькой легчи—
 Нѣту дѣда, родной матери съ отцомъ,
 Буду дочку коротати съ муженькомъ!

Муженечекъ на перинушкѣ лежитъ,
А меня, младу, на лавочку валить,
Изголовьемъ ремени плетъ кладетъ,
Потничкомъ велитъ окутаться:

„Ужъ ты спи, моя лебедушка, усни,
Ко полуночи квашонку раствори,
Къ ибтухамъ парную баню истопи,
Къ утру-свѣту лень повыпряди,
Ко полудню вытки бѣлые холсты,
Къ сугеменкамъ муженьку сготовь порты,
У портищъ чтобъ были строчены рубцы,
Гасникъ шелковый съ кисточкою,
Еще пугвица волжонная...“
Молода жена—ученая.

* * *

Не подь елю бѣлый мохъ
Изоржавѣть и засохъ,

Заростала сохлымъ мхомъ
Пахотинка-черноземъ.

Привелось на грѣхъ
Раскосунить бѣлы мхи,

Призасѣять рѣвку
Не часту, не рѣдку.

Выростала рѣпа-медь
Вплоть до тещиныхъ воротъ...

Глядь, въ осенній рѣворѣзь
Воръ на рѣвище залѣзъ.

Какъ на ворѣ тещинъ платъ
Красной вышивкой назадъ,

Подзатыльникъ съ гадуномъ...
Неподатливъ черноземъ.

Зять воровку устерегъ,
Побивало поберегъ,

Что-ль гужину во всю спину,
На затылицу батогъ.

Завонила теща-мать:
Государь—любимый зять,

Погоди меня казнить,
Вели говоръ говорить!

Ужъ какъ я, честна вдова,
Какъ притынная трава,

Ни въдохъ, ни пѣшеходъ
Муравы не колыхаетъ,

Потоптагъ тимьянъ-траву
Ты на студную молву,

Я за студную бѣду
Дочку-паву уведу!

Ахъ, безъ павушки павиниъ—
Безъ казны гостиниый сыниъ,

Ониъ въ зеленый садъ поидеть—
Мелко листье опадеть,

Выйдетъ въ красный хороводъ—
Отшатнется весь народъ,

Ему тамова житье,
Гдѣ кабацкое питье,

Гдѣ кружалыйный ковшъ гремитъ.
Ретивое пепелить,

Ронить кудри на глаза
Перегарная слеза!"

Ахъ, подруженьки-голубушки,
 Луговья сѣры утушки,
 Вы берите-ка скорешенько
 Пылы новыя, точеныя,
 Еще иглы золоченыя,
 Шелкъ бурмитчатый, наводчатый,
 Мелкій бисеръ съ яснымъ золотомъ,
 Расшивайте къ сроку-времени
 Разузорчатую завѣсу!
 На одномъ углу—скради глаза,
 Наведите солнце съ мѣсяцемъ,
 На другомъ углу—рехнись ума,
 Ниште дѣвушку съ прилукою!

Какъ наѣдутъ свать со свахою,
 Побѣзжане съ дѣвнымъ выкупомъ,
 Разглядятся и раззарятся
 На мудрены красны шитицы,
 А раззарясь, съ думы выкинутъ
 Сватать павушку за ворона,
 Ощипать перо лазорево,
 Довести красу до омута!

ПѢСНЯ ПРО ВАСИХУ.

Откуль пошло прозвище
Лѣшева Находка.

Кемское преданіе.

Баба Василиста
Хороша, грудиста,
Голова кувшиномъ
Съ носомъ журавлинымъ,
Руки—ноговялки,
Ноги—волчьи пятаки.
Какъ понѣла Васиха
Слободѣ на лихо
Берда наживати,
Самобранку ткати.
Дали ей бердище
По колу зубище...
На повозной парѣ
Вхали болре,
Охобни бобровы,
Сами чернобровы:
„Помогай-гѣ Боже
Вытывать рогожи!“

Баба Василиста
На языкъ рѣчиста,
Какъ выжлецъ у сала,
Мериномъ заржала.
„Ай, да баба-нава,
Гридня забавал...
Быть тебѣ Васиша—
Въ терему ткачихой,
За глумство-отвагу
Трескать солодугу,
За кудель на тыиѣ
Окрестить отныиѣ
Красную Слободку
Въ Лѣшеву Находку!“

Я ко любушкѣ-голубушкѣ ходилъ,
Голубую однорядку износилъ,
Шубу бѣличью повыволочилъ,
Коробейку мелкихъ денегъ издержалъ,
Разлюбезной воркованьемъ докучалъ;
Я куплю тебѣ гостинецъ—скатну интъ,
Буду баско оболоченой водить,
Разлюби ты дегтегона-лѣсника,
Лантевяза, да Мирона-рѣзчика,
Не подмигивай торговому въ ряду,
Не обранивай платочка на ходу,
Протопопу бѣлой ручкой не маши,
Не заглядывай въ рыбачьи шалаши,
У калачника не мѣшай въ курию,
Не давай овса гонедкому коню,
На гонца крутую бровь не наводи,
Чтобы сердце не кровавилось въ груди!
У гонца не застоится душа,—
Въ торбѣ ложка и походная лапша.

Огъ тебя за бѣлояровый овесъ
Доведеть до неумныхъ горькихъ слезъ,
Что-ль до зыбки—ненужнаго лубка,
До отцовскаго глухого кулака,
Будеть зыбочка поскрипывать,
Красна дѣвушка повздыхивать!

Меня матушка будить спозарань,
Я поддешенько, дѣвушка, встаю;
Покуль бѣлое личко уываю—
Миѣ изюмный калачикъ испечень,
Покуль въ цвѣтное платье обряжаюсь,
Миѣ-ка чарочка меду подана,
Пока медомъ калачикъ запиваю,—
На работу подруженьки уйдуть...
Отъ крестьянской работки-рукодѣля
У подруженекъ рученьки болятъ,
Болятъ спинушка съ буйной головою,
Ретивому сердечку тяжело...
Миѣ-жъ одна работушка далася —
Шить наводь по алому сукну.
Ахъ, съ сидѣнья, съ дѣвичьяго бездѣля
Сполюблю я удала паренька, —
Съ распригожимъ не будетъ дѣвкѣ тошно
До замужества время коротать,—

До того ли замужества-разлуки,
До проклятаго бабьяго житя!
Распроклятое бабье жированье,
Расхорошее дѣвичье жите:
Ужъ я выплрюся дѣвушкой досыта,
Нагуляюся красной до любви.

ПѢСНЯ ПОДЪ ВОЛЫНКУ.

Какъ родители-разлучники,
Да женитьба подневольная
Довели удача молодца
До большой тоски-раздумица!

Допрежь сердце соколиное
Черной немочи не вѣдало,—
Я на гульбищахъ погуливалъ,
Шапки старостѣ не ламывалъ.

А тепереча я—молодецъ,
Словно птаха-конопляница,
Что по зорькѣ легъ направивши,
Птицелову въ сѣть сгодилася.

Какъ лихіе путы пташиду,
Такъ ставиваго молодчика
Завязала и запутала
Молода жена-приданица.

СТИХЪ О ПРАВЕДНОЙ ДУШѢ.

Жила душа свято, праведно,
Во пустынь душа спасалася,
Въ лѣствіе нага одѣвалась,
Во бересто боса обувалася,
Притуля-жилъя душа не имала,
За застольнымъ брашномъ не сиживала,
Куса въ соль не обмакивала.
Утудила душа тѣло бѣлое
Что-ль до туги-издыханія смертнаго,
Чала душа, что въ рай поидеть,
А пошла она въ тартарары.
Закрючили душеньку два огненныхъ пса,
Учили душеньку во уста лакать...
Калыгеря-бѣсъ да бѣсъ-ѣдунъ
Къ Сатанѣ пришли съ судной хартіей...
Надѣвалъ Сатана очки геенскіе,
Садился на стуло костепожное,
Сталъ житіе души вычитывать:

Трудилась душа по-апостольски,
Служила душа по-архангельски,
Воздыхала душа по-Адамову—
Мукой мучиться душѣ не за что.
А и въ чемъ же душа провинилась,
Въ грабежѣ-ль, во разбоѣ поножевичала,
Мостовую ли гривну утаивала,
Аль чужіе силки оголаживала,
Аль на уду святѣ артосъ насаживала?
Не повинна душенька и въ сихъ грѣхахъ...
А какъ была душа въ плоти-живности,
Что-ль семи годковъ безъ единого,
Такъ въ Страстной Пятокъ она стреснула,
Не покаившись, глупыиъ масляный...
Не суди насъ, Боже, во многомъ,
А спаси насъ, Спасе, во маломъ.

Аминь.

ИВУШКА ЗЕЛЕНЕНЬКА...

Ивушка зелененька—
Дѣвушка молоденька.
Стали иву ломати—
Дѣвку замужь отдавати.
Красна дѣвушка догадалась,
Въ нову горницю, свѣтъ, кидалась:
„Ахъ, ты, горенка—свѣтлая сидѣльня,
Миѣ-ка нонева не до рукодѣля,
А еще не до смирныхъ бесѣдъ!
Ахъ, вы, плыи мои золочены,
Ворота-ли вами подпирали?
Вы шелки мои—бобчаты пояся,
По сугорамъ-ли васъ разстилали?
Ужъ вы плящія, ярыя свѣчи,
Темны корбы-ли вами палили?
Ты согрѣва—муравчата лежанка,
Не смолой-ли тебя растопити?“

Отвѣчала лежанка-тѣлогрѣйка,
Она рѣчью крещеной человѣчей:
„Лучше-бъ тебѣ, дѣвункѣ, родиться
Во сыромъ болотѣ черной кочкой,
Чѣмъ не мило сапогъ разувати,
За онучею гривну искати,
За нее лиходѣи цѣловати!“

ПРОСЛАВЛЕНИЕ МИЛОСТЫНИ.

Пѣсня убогаго Пафнутьюшки.

Не отказна милостыня праведная,
На поминъ души родительской
По субботнимъ днямъ подавана
Нищей братьи со мостинами...
А убогому Пафнутьюшкѣ
Данъ поминный кусъ въ особицу.

Какъ у куса нутра ячневы,
Съ золотой наводной корочкой,
Ужъ какъ творенъ кусъ на патокѣ,
Испеченъ на росномъ ладонѣ,
А отмякъ кусокъ подъ образомъ,
Бѣлымъ воздухомъ прикутанный...
Спасетъ Богъ, возблагодарствуетъ
Кормящихъ, поющихъ,
Одѣвающихъ, обувающихъ,
Тепломъ согрѣвающихъ!

Милостыня сота—
Будеть душенькѣ вольтота;
Хозяину въ дому,
Какъ Адаму во раю,
Дѣтушкамъ въ дому,
Какъ орѣшкамъ во меду!
Спасеть Богъ радѣтелей,
Щедрыхъ благодѣтелей,
Аверкій—банный согрѣватель,
Душъ и тѣлесъ очищатель,
Сесентій—калужникъ,
Олексій—пролужникъ,
Всѣ святые съ нами
Въ ипостасномъ храмѣ.

Аминь.

На селѣ четыре жителя,
Иѣтъ у дѣвки уважителя,—
Какъ у Власа-то савраса борода,
У Никиты носъ подбитый завсегда,
У Савелья отъ бездѣлья чернота,—
Не выводится цыгарка изо рта,
У Ипата кудревата голова,
Да пронесена недобрая молва:
Будто почкою Ипатушка
Загубилъ свою разланушку,—
Вышибалъ ей печень черную,
За повадку непокорную,
За орѣхи, за изюмные стручки,
За ручные мелкотравчатые платки,
На платочкахъ красны литеры—
Подарилъ кунецъ изъ Питера...

Кабы я Ивату любушкой была,
Не такое-бы безчестье навела,
Пакурила-бы вина позеленѣй,
Напекла-бы колобовъ погорячѣй,
Угостила-бъ супостата—миляша,
Чтобы вышла изъ постылаго душа!...

Ахъ, тальника мѣдиосборчатая,
Голосистая, узорчатая,
Выдай погреды дѣтинушкѣ—
Ласкослову сиротинушкѣ,
Чтобы дѣву не сушила сухота,
Безъ жадобнаго не сгибла-бъ красота,
Не палила-бъ мои кречеты глаза
Неумная капучая слеза!

СКРЫТЫЙ СТИХЪ.

По крещеному Вѣлому Царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина—
Есть проходъ лихому человѣку,
Что-ль проѣздъ ночному душегубу.
Только иѣту вольнаго проходу
Тихомудру Божью иѣшеходу
Какъ ему—Господню—путь засѣченъ,
Заваленъ проклятымъ Чернымъ Камнемъ.

Изъ писемъ олонецкихъ скрытниковъ.

Не осенній листь падья-падетъ,
Не березовый на земь валится,
Не костеръ въ бору по моховищамъ
Стелеть саваномъ дымы-пажегу,—
На Олонъ рѣку, на Сѣкирь гору
Соходилася нища братія.—

Какъ Верижники съ Палеострова,
Возгорблящики съ Красной Ягремы,
Солодажники съ рѣчки Андомы,
Крестоперстинки съ Нижней Кудамы,
Толоконники съ Ершедами,
Бѣгуны-люди съ Водохлебами,
Всяка сборица-Богомольщина:
Становилася нища братія
На великъ камень, со котораго
Бѣлъ плитнякъ плитять на могилица,
Опосля на немъ—виукамъ памятку—
Пишуть теслами годъ родительскій,
Чертать прозвище и изочину,
На суклинѣ щербятъ кость Адамову...

Не косачъ въ силкѣ ломить шибанки,
Черный пухъ роня, кровью кавая,
Не язвець въ норѣ на полѣсника
Смертнымъ голосомъ кличетъ Ангела,—
Что-ль звѣринаго добра пѣстуна,—
Братья-старища свиховалися,
О будыжину лбами стукнули,—
Уху Спасову вѣтку подали:
«Ты, Пречистый Спасъ, Саваофовъ Сынъ,—
Не поставь во грѣхъ воздыханія:
Али мы Тебѣ не служители,
Нищей лѣпоты не рачители,

Не плакиды мы, не радѣльщики,
За крещеный міръ не моельщики,
Что нашло на насъ время тѣсное,
Негдѣ нищему куса вымолить,
Малу луковку во отишнѣ съѣсть?—
Во посадѣ идти,—тамъ табашники,
На церковный дворъ,—все шепотники,
Въ поле чистое,—тамъ Желѣзный Змій,
Ко синю морю,—въ морѣ Чудище!

Желѣзнякъ летить, какъ гора валить,
Юдо водное Змію побратень:
У нихъ зракъ—огонь, вздохи—торопы,
Зубъ—литой чугунъ, печень мѣдная—
Запропастъ отъ нихъ Божью страннику,
Заврю, птичинѣ на убой пойти,
Умной рыбицѣ въ глубину спляснуть!:

Покуль старица Спасу плакались,
На кажиную тварь легота нашла:
Скокнулъ зайчика изъ-подъ кустышка,
Вышелъ журушка изъ болотины,
Выдра съ омота на земь выѣзла,
Лещъ по заводи пузыри пустилъ,
Ель на маковѣ крестъ затеплила,
Какъ на озерѣ Пододонница,
Зелень кость чеша, гребень выронить,

И поидеть стозвонъ по зажоринамъ,
Черезъ гатища, до матерыхъ людъ,
Гдѣ судьба ему въ прахъ разсыпаться,
Засинѣть на днѣ яримъ жемчугомъ,—
Такъ моельщикамъ Гласъ почуился:
«Погублю Умъ Зла Я Умомъ Любви,
Положу препонъ силѣ Зміевой,
Проращу въ аду рощи тихія,
По землѣ пушу воды сладкія,—
Чтобы демоны съ человѣками
Перстнемъ истиннымъ обручились,
За однимъ столомъ преломляли-бъ хлѣбъ
И съ однихъ деревьевъ плодъ вкушали бы!..»

Старцы Голосу поклонилися,
Обоюдный трудъ взяли въ размыселъ:
Отшатиться имъ на крещену Русь,—
По лугамъ идти—муравы не мять,
Во лѣса ступить—звѣрю миръ нести,
Не держать огня, трута съ платкою,
Что-ль того ножа подорожного,
Когда Гремь гремитъ, Торонъ съ Вихоремъ
Въ грозовомъ бою ломаютъ палицы,
Норовятъ сконать Птицу-Фіюса,
Вьюжный пухъ съ нея силгомъ выперхать,
Кровь зарѣ отдать, гребень—сполаху,
А посмертный грай волку сѣрому.—

Втымежъ пахарю тайнъ не сказывать,
Имъ тогда вести рѣчи вѣщія,
Когда солнышко засутемится,
И черница-темъ сидеть съ пильцами
Подъ оконце шить златы въздухи,—
Чтобъ въ простыхъ словахъ бранный громъ гремѣлъ,
Въ малыхъ присловьяхъ буря чуялась,
Въ послѣсловіи-жъ клекоть коршуна,
Какъ душа въ груди, ясно слышалась,—
Чтобъ позналась мочь несусвѣтная,
Задолѣло-бы гору въ пястку взять,
Сокрушить ее, какъ соломину.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

<i>Мірскія Думы.</i>	СТР.
Въ этотъ годъ за святѣми обѣднями...	7
Что ты, нивушка, черешенька...	9
Небесный вратарь	13
Луговые потезки, омежки, стога...	15
Солдатка	16
Мірская Дума	17
Кабы я не Акулиною была...	20
Поминаный причитъ	22
Гей, отзовитесь, курганы...	24
Слезный платъ	26
Русь	28
Весѣдный наптрыгъ	30

<i>Пѣсни изъ-за Онежья.</i>	
Ахъ, вы цѣбтики, цѣбты лазоревы...	41
Я сторѣла, молоденька, безъ огня...	43
Не подъ елью бѣлый мохъ...	45
Ахъ, подруженьки-голубушки...	48
Пѣсня про Васиху.	49
Я ко любушкѣ-голубушкѣ, ходить...	51
Меня матушка будить спозаранья...	53
Пѣсня подъ волюшку	55
Стихъ о праведной душѣ	56
Нвушка зелененька...	58
Прославление милостыни	60
На селѣ четыре жителя...	62
Скрытый стихъ	64

30 -

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ М. В. АВЕРЬЯНОВА, Фонтанка 38. тел. 128-58.